

18+

Елена Лебедева

Язверь

Annotation

Странная болезнь превращает героиню в лемурга, а ее жениха в скама. Со временем героиня поймет, что скамы опасны для лемургов, но путешествия по кротовым норам вселенной только все запутают. Да и как тут разобраться, если на эволюцинатов охотятся? В живых бы остаться. Героиня изменится, пройдя через жестокие испытания. Встреча с любимым человеком окажется судьбоносной.

Язверь

Елена Лебедева

Я не поднимал руку на слабого.

Я не убивал.

Я не ловил в силки птицу богов.

«Книга мертвых»

© Елена Лебедева, 2022

ISBN 978-5-0056-2572-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

«Опасные связи»

В емкости без маркировки спирт. Пустые пробирки – в штативе. Вата в круглой прозрачной банке. Резиновая лента для пережатия вены – в лотке. На столике безупречный порядок, а в воздухе – полное безразличие к чувствам человека, попавшего в лабораторию.

Гера притихла. В смежной комнате хозяйничала уборщица, мешая Кате накидывать поверх цветастого платья халат. Катя наверняка не до конца застегнулась, и верхняя пуговица осталась свободной. Светлые волосы она привычно убрала под накрахмаленный чепчик и только после этого «нырнула» в туфли на шпильке. Туфли были ей маловаты: кожа над вырезом собралась в некрасивые складки. Она мелодично напевала что-то знакомое, и уборщица стала ей подпевать.

Если бежать, то сейчас.

– Я уйду, – сообщила она в пустоту.

Катя выставила в дверной проем средний палец.

– Славик так и не объявился? – спросила она.

Говорить о Славике Гере не хотелось, совсем. Тема исчерпала себя неделю назад.

Подруга сочувственно улыбнулась, напрашиваясь на ответный выпад:

– Обувь не жмет?

Подобрав края халата, Катя уселась напротив:

– Жмет. Слегка. Тридцать восьмой велик, а тридцать седьмой маловат. Просто беда.

– Растяни их.

– Зачем? – Катя готовилась к процедуре, натягивая медицинские перчатки. – Испорчу же. Туфли такие симпатичные. Жалко их.

Безымянный палец левой руки оказался зажатым. Белокурая «нимфа» удерживала его натренированной хваткой. Теперь от Кати можно было сбежать только с применением силы.

Гера начала торговаться:

– Давай экзекуцию на завтра перенесем. Ведь боюсь до смерти.

– Хватит, не маленькая, – тон Катиного голоса переменялся, – сколько можно!

– Ну пожалей ты меня, – в нос ударил запах медицинского спирта, и она отвернулась.

Катя обработала палец проспиртованной ватой и, не глядя, выбросила вату в корзину. Потянулась к чашке Петри за иглой. Укол! Острый конец быстро сделал надрез и сразу же отскочил, оставив на кончике темную каплю.

– Дальше ничего интересного, – успокоила Катя, – расслабься.

Гера с детства боялась уколов. В день прививок вела себя одинаково глупо: притворялась больной и наотрез отказывалась куда-то идти. Если матери удавалось выпроводить ее, она незаметно пряталась в школьной раздевалке.

– Вылезай-ка из-под банкетки! Вижу, вижу тебя! – командовала Катя с сияющим выражением на лице, а потом тащила ее за руку на процедуру.

Катя в те времена была худенькой кудрявой девчушкой. Гера не заметила, когда она успела превратиться в даму неопределенного возраста.

Катя поднесла к онемевшему пальцу стеклянный «карандаш» и со свистом втянула в него кровь, выполняя сложные пассы руками.

– И все-таки Славик – змей, каких поискать. До полусмерти девушку зацеловал, в койку ее затащил, а сам в бега.

– Ой, подруга, помолчала бы ты.

Прозрачная сердцевина стеклянной трубки быстро наполнилась кровью. Пару капель Катя нанесла на специальные стекла, ловким движением размазала кровь и отложила взятые образцы.

– Вот и вся процедура. Позже заведующая отделением твой анализ проверит, и сможешь гулять. Только смотри, не загуливайся.

– С моим-то больным горлом? Шутишь? Да и Славика рядом нет,.. а все было так серьезно. Я не знала, что будут проблемы.

– Об этом не обязательно знать, – назидательным тоном внушала Катя, – помнить – обязательно. Особенно, когда знакомишься на улице. Ладно, иди. Следующего позови.

Катя ослабила палец, и кровь из «карандаша» скользнула в пробирку.

До метро от медицинского центра метров четыреста, одна остановка на транспорте. Гере захотелось пройти эти метры пешком, подставить лицо не по-осеннему теплему солнцу. Она решила, что ей наплевать на работу, на шефа, на заказчиков и даже на Трудовой кодекс плевать. Сегодня и без нее обойдутся. И что она имеет право взять выходной.

Дома Геру ничего хорошего не ожидает, ведь в последние дни разговор всякий раз сводился к упрекам: «Как же так получилось, что ты заболела? Что же ты так неосторожно?».

Гера на это отвечала: «Мам, мне двадцать семь лет. Я уже давно не ребенок. Горло у меня разболелось, что здесь такого? Пропью лекарства, рано или поздно поправлюсь».

Гера познакомилась со Славиком месяц назад, на улице, в обеденный перерыв. Он подошел к ней первым и с серьезным видом представился:

– Преподаватель реликтовой уфологии, ведущий сотрудник NASA Мстислав Изнуренков. Когда она спросила, как же к нему обращаться, он попросил называть его Славиком.

– Так где же вы все-таки работаете, если без шуток?

– В секретной лаборатории разрабатываю биологическое оружие, – отвечал он, переходя на шепот, – только ты об этом никому не рассказывай.

К новому приключению Гера отнеслась с восторженностью тринадцатилетней нимфетки. Славик выглядел моложе ее; разница в возрасте не была очевидной – года три, от силы четыре. И все-таки Катя заметила: «Вступаешь в неуставные отношения с малолетками?». Гера привычно отразила удар: мол, юношей сбивать с пути истинного гордость не позволяет, а Славик ведь сам подошел, поэтому она как бы не при делах. А то, что он моложе выглядит, их отношениям не мешает.

До Славика Гере и без мужчин отлично жилось. Роман с сотрудником по работе не в счет, хотя нервы тот человек ей потрепал. Были и другие приятели, но в памяти их имен не осталось. Все они теперь казались ей обычными, не выдающимися, почему и исчезли из ее биографии навсегда.

Славик отличался от всех – легкостью, незлобностью, чувством юмора и яркой фантазией. Ему удалось за несколько дней привязать к себе Геру надежным «морским узлом» – так, что все трещинки в любовной биографии зарубцевались.

Он тянулся к ней, забрасывал sms-ками, и от этого ее самооценка зашкаливала. Ведь раньше она считала себя непримечательным существом: представительницей серой массы офисного «планктона», девушкой-готовой-на-жертвы. Любовь к спортивной одежде: джинсам и куртке а-ля «унисекс» – усиливала общее «серенькое» впечатление. И даже стрижка под мальчика – способ выделиться в толпе – не работал как нужно: Геру часто принимали за юношу. Она давно привыкла к таким «знакам внимания».

Матушка на днях задала ей провокационный вопрос: «Вдруг твоя болезнь вызвана неизвестной инфекцией? Если Славик все же работает в лаборатории, как утверждает, то случайно может прихватить с работы любую заразу. Ты же не брала с него расписки о состоянии здоровья?».

Но как она могла, не задев чувства Славика, потребовать у него справку из вендиспансера? Подобная блажь ей бы в голову никогда не пришла.

Славик ухаживал так по-особенному, что в первый же день она почувствовала себя на седьмом небе от счастья. Конфеты, цветы, приятные мелочи скреплялись чувственными поцелуями, в которых, как и в подарках, он хорошо разбирался. Они без оглядки целовались в вагонах метро, на остановках, в подъезде, в переходах, на парковке, в ближайшем Макдональдсе, в круглосуточных магазинах, куда заходили за очередной коробкой конфет.

А потом любимый пропал. Перестал звонить ей на работу. Она не имела ни малейшего представления о месте жительства Славика. Где работает? Кем? И вообще, действительно ли он – Славик? Может, у него и имя было другое?

Дня через три после исчезновения Славика у Геры разболелось горло. Ни говорить, ни есть она не могла.

Пришлось обратиться за помощью к Кате.

– Мне нужен доктор, – визгливо выдавила она из себя.

– Завтра же приезжай, проведу по врачам.

На следующий день она явилась в ЛОР-кабинет с невыносимой болью в горле, готовая на любые, самые жестокие манипуляции, лишь бы ее подлечили. Со слухом и обонянием у нее все было в порядке, но как только она открыла рот, медики ахнули.

«Давненько мне не встречалась ангина с некрозом. Уверен, это – не дифтерия. Говорите, температура не поднималась? Нехарактерно как-то. Организм сопротивляться отказывается. В больницу ложиться нужно!», – резюмировал врач.

От больницы она отказалась. Без энтузиазма согласилась пройти обследование. Ее «посадили» на антибиотики, которые с болезнью справиться не помогли.

– Ты уверена, что инфекция тебе передалась не от Славика? – Катя старалась расшевелить ее разговорами.

– Не знаю, я уже ни в чем не уверена. Матушка тоже на Славика думает. Аргумент, как

обычно, непотопляем: «Если Славик пропал перед тем, как ты заболела, значит, и он заболел. А раз не звонит, значит, стыдно в чем-то признаться».

– Может, он в больницу попал? – задумалась Катя.

– Или в аварию?

– Скорее, уехал куда-нибудь.

– Тогда почему не сказал, что уедет?

Катя похлопала ее по плечу:

– Знаешь, все это к лучшему. Подумай, какая бы жизнь у вас началась – с магистром-то паранормальных наук?

Глава вторая

«Пять минут страха»

Метро – транспорт, которым в Москве не пользуется только ленивый. Система подземных туннелей работает с утра и до позднего вечера, и все это время час пик как будто не прекращается. Утренние пионеры метрополитена отправляются на работу, набиваясь в вагоны, точно в пчелиный улей. Позже жаворонков-пионеров сменяют пенсионеры, приезжие и личности без строгого рабочего графика или без определенного рода занятий. Вечером снова столпотворение – закончился рабочий день. В десять часов вечера метрополитен на пару часов захватывает молодежь. К полуночи людской поток все же рассеивается, но вяло и с большой неохотой. Словно метро – их любимая среда обитания.

Гера спустилась в подземку.

Толпу мигрирующих горожан крепко связывают тонкие ниточки перемещений; в неожиданных местах завязываются узелки, а там, где чувствуется напряжение, эти ниточки разрываются. Гера это поняла, будучи школьницей. В подземке можно встретить знакомого, с которым не виделись долгие годы. Так судьба, словно голодная паучиха, тасует чужие судьбы.

Замкнутый муравейник, метро, существует по строгим законам подземного царства, в котором нет места животным, бомжам и олигархам. Последним здесь были рады разве что во времена их пионерской юности, зато бомжей и разную живность в метро наблюдают с завидной периодичностью. Однажды в одном вагоне с Герой путешествовала грязная, пегая, но в меру упитанная дворняжка. Эта беспородная псина добралась до станции «Китай-город», после чего неторопливо сошла на платформу, рысью пересекла ее, сиганула в распахнувшиеся двери параллельного поезда и продолжила путь в сторону станции «Выхино».

Сегодня ощущения от подземки вызвали необычные ассоциации; словно в прозрачном стакане сметану разбавили кетчупом.

Запахи здесь больше не смешивались, и если вчера Гера с трудом отличала похмелье от колбасы, то сегодня могла уверенно перечислить содержимое дамской сумочки.

Наверняка плохо работала вентиляция.

Протолкавшись несколько остановок, Гера сделала пересадку на кольцевой. Вагон, в который ей удалось пробиться, оказался душным и многолюдным. Справа тяжело дышал тучный пенсионер, слева высокая девушка читала Лукьяненко, сзади в поясицу упиралось ребро чьей-то сумки.

Сидевший напротив мужчина поднял голову и посмотрел Гере в глаза. Слегка удивленно и чуть настороженно.

– Эволюционируешь?

– Что, простите?

От неожиданности она не сразу поняла, что почувствовала его особенный, мускусно-сочный запах. Точнее, она различила одновременно несколько запахов, и они не соединялись друг с другом. Она могла бы в подробностях восстановить его день с момента, когда он

проснулся.

Утренние водные процедуры не в счет – это делает каждый. Завтрак: чашка кофе из «турки» и бутерброд с плавленым сыром. Леденец с ментолом и мятой. Аромат женских духов на верхней одежде – пару часов назад он с кем-то долго общался. Запах фиштак был свежим; похоже, в течение последнего часа он ими перекусил.

– Так ты, значит, не в курсе?

– О чем это вы?

Его слегка удлинённая, скуластая физиономия показалась Гере знакомой. Такие лица бывают у официантов, врачей или шпионов – располагают к себе, но сразу же исчезают из памяти. Будто бы они раньше встречались, вот только когда это было – в детстве, в мечтах? – не понять. Поразило тело этого человека – крупное, не накаченное, но, похоже, что гибкое, как у человека-«змеи».

– Слушай, давай-ка выйдем.

Он встал, легонько подтолкнул ее к выходу, и она послушалась. Пробриться к дверям оказалось непросто, пришлось людей потеснить.

«Извините!»

«Спасибо!»

«Я не хотела!»

Они сошли на станции «ВДНХ».

На перроне таинственный морок знакомства развеялся. Она внимательней его рассмотрела: руки в карманах спортивной ношенной куртки, на черных джинсах накладные клапаны, грубая военная обувь сплошь в металлических заклепках – ботинки статусные, но при этом грязные, как у разнорабочего.

– Знаете, на всякую ерунду у меня времени нет!

– Это недолго, – двусмысленно буркнул он. – Идем, я покажу тебе другую Москву.

Он взял Геру за руку. Его крупная ладонь оказалась сухой и горячей, как у сангвиника.

С ним было, о чем говорить. Тема погоды плавно перетекла в политические дебаты, которые закончились разговором о бродячих животных. Сошлись на том, что собак нельзя ни отстреливать, ни кастрировать. И уж тем более нельзя ставить на них опыты. Потому что в критической ситуации каждый может стать таким же бродячим отщепенцем.

Они купили билеты на колесо «Москва 850», чтобы минут через семь сесть в кабинку с открытым обзором – подвесную конструкцию с несколькими сидениями, снабженными упором для ног и фиксатором для тела.

Чем выше они поднимались, тем сильнее хотелось вернуться обратно. Гера искренне пожалела, что поддавалась на уговоры того, кто, в отличие от нее, зевал и лениво разглядывал выставочные павильоны. Наверное, в метро он специально говорил странные вещи, чтобы вызвать к себе интерес. Вот такие оригинальные «фортеля» иногда выделывают горожане, чтобы познакомиться с девушкой. Впрочем, в интернете она встречала и другие занимательные способы.

И все же Гере нравились глаза незнакомца – темно-карие, невозмутимые, в которых душу не так-то просто увидеть. Нравилась брутальность мужского лица, несмотря на странное выражение; как будто их встреча ему неинтересна совсем, а ее присутствие – лишь способ разрядить обстановку.

«Да он настоящий флегматик!» – в течение часа Гера дважды изменила мнение о человеке.

– Значит, вы так и не расскажете мне...

– Не нужно так громко, – резко перебил он ее, – **они** могут быть рядом. Лучше поднимемся выше.

– Рядом? Они?

Она огляделась. И сразу же поняла, что «попала», как «попадает» турист, купивший билет не в то направление.

Ее визави не был ни флегматиком, ни сангвиником. Он просто душевно больной человек, и она стала его добровольной заложницей. Теперь остается одно – не раздражать собеседника.

– Если они узнают, кто мы на самом деле, случится беда. Ты же не хочешь, чтобы нас выследили?

– Кого это – вас? – тихо спросила она.

– Нас, *лемургов*.

«Лемургов...», – повторила она еле слышно, – «полный абзац!».

Словечко новое для Геры, и она наивно решила, что возникло оно в среде столичных «мажоров». Действительно, звучало вполне естественно: «мажор» – «лемург». С определенным налетом маргинальной «совковости».

– Можно еще раз, я не ослышалась? – решила она уточнить.

Он не отреагировал на просьбу, обескуражив встречным вопросом:

– У тебя ведь был контакт с *лемургом*?

– Понятия не имею! – опешила Гера.

– Ты же с ним целовалась. Поэтому пахнешь *так*.

– Как это – *так*?

– Как *лемург*.

Разговор затягивался. Гера разнервничалась, и ладони, которые отогревались в манжетах колючего свитера, за пару секунд окоченели. Раньше ей не приходилось сталкиваться с одержимыми. Кто знает, что от него ожидать? И как ей вести себя? Если разговор пойдет в том же ключе, она неправильно отреагирует, и это вызовет у безумного гнев. Нет, все же лучше не лезть на рожон и отмолчаться.

Эх, она отдала бы все деньги, лежащие в кошельке, чтобы исчезнуть отсюда. Но выйти из колеса обозрения на ходу равносильно самоубийству.

– Вы уверены, что я, как и вы, лемург?

– Не сомневаюсь. Хотя, если будешь меняться, можешь стать *скамом* – сильной и хитрой особью.

– Насколько сильной и хитрой?

– В экстремальных условиях ты это поймешь.

– Думаете, я буду меняться?

Лемург пожал плечами и равнодушно ответил:

– Возможно. Мы не отслеживаем. У нас тоже бардак, как и везде. Да и времени прошло всего ничего. Года четыре, не больше.

На скулах лемурга заиграли упругие желваки, он сразу как-то изменился в лице. По напряжению, по внезапной его настороженности Гера поняла, что вот-вот случится нечто

из ряда вон выходящее.

Кабинка прекратила набирать высоту и на максимальном подъеме на время зависла. Москва распростерлась по обе стороны от колеса впечатляющим панорамным видом. Останкинская телебашня, гостиница «Космос», монумент «Рабочий и колхозница», здания комплекса ВДНХ – все известные с детства «приметы» Москвы просматривались как на ладони.

В другой компании Гера с удовольствием предалась бы разглядыванию, но не сегодня. Тот, кто находился рядом с ней, мог в любой момент преподнести новый сюрприз. Сейчас главное – быть предельно внимательной.

– Не пересказывай наш разговор никому, – «лемург» смотрел на нее широко распахнутыми глазами ребенка.

– Это так важно?

– Другим ник чему знать, кто ты на самом деле.

Гера вздохнула:

– Ладно, не проболтаюсь.

Он отвернулся, чтобы перевести взгляд на что-то за пределами кабинки. Она проследила за этим взглядом, но ничего выдающегося не заметила. Ниже пролетала стая ворон, и одна из птиц закаркала низким, простуженным тембром. Но его определенно не интересовали вороны. Он всматривался в нечто близкое, несуществующее.

– Пора прощаться, – «лемург» отодвинул фиксатор, слегка раскачав кабинку, – надеюсь, в будущем встретимся. Когда проявятся способности.

– Как – прощаться? Вы что – уходите?

Если он вздумал отсюда прыгать, то не нужно ему мешать по одной лишь причине: они в разных весовых категориях. А вдруг в последний момент он захочет ее схватить, ведь для чего-то он притащился на это чертово колесо?

Мужчина встал на сиденье и, словно атлет перед прыжком, затоптался на месте, а потом шагнул в пустоту. Именно так прыгают из самолета спортсмены-парашютисты – дерзко, презрев опасность. Только Гера не заметила у «лемурга» за спиной ни парашюта, ни какой-то другой страховки.

Она вскрикнула и с силой прижалась к фиксатору-поручню.

Секунду назад в кабине, раскачивая ее, находился вполне осязаемый человек. Человек настолько реальный, что и неглубокие морщинки у глаз, и рыжеватая щетина на скулах, и шрам от «ветрянки» на верхней губе вовсе не казались Гере галлюцинацией. И вот теперь этого человека словно стерло из бытия. Будто он растворился не в загазованном московском воздухе, а в другом измерении.

И только след рифленой подошвы на кресле свидетельствовал, что она не свихнулась.

Людей в ближних кабинках не было, значит, за ними не наблюдали. Шумная компания школьников, подсевших в колесо обозрения позже, к «соседям» интереса не проявляла. В тот миг, когда «лемург» перешел в «нематериальное» состояние, они, похоже, так же бойко трепались.

Колесо продолжало вращаться, кабинка двигалась вниз. Вот уже кроны деревьев взлетели над головой. Какой-то мужчина, наверное, контролер, схватился за спинку соседнего кресла, откинул удерживающий Геру фиксатор:

– Дочка, тебя того,.. замутило? Руку давай!

Она «вынырнула» из беспамятства, оперлась о подставленное плечо, шагнула наружу.

– С непривычки слегка укачало. Так высоко! И еще там был... парень без парашюта.

Он отпустил Герину руку, взглянул с растерянностью:

– О чем это ты?

Похоже, мужчина даже не понял, что посадил кого-то в кабинку вместе со странной девушкой. Может быть, его отвлекли беспокойные старшеклассники. Так или иначе, Гере пришлось быстро с ним распрощаться, чтобы проследовать к выходу.

Глава третья

«Если померещилось, сплюньте»

Отец Геры когда-то преподавал в МГУ. Его считали хорошим африканистом и студенты, и весь преподавательский коллектив. Аншлаги на лекциях были тому подтверждением. Материал он преподносил интересно и живо, никогда беспричинно не придирался. Показывал характер только в нужный момент.

Последние годы перед тем, как погибнуть, отец продолжал изучать традиционные африканские культуры.

Детские воспоминания рисуют крупного, упитанного мужчину с мягкими руками и носом картошкой. Остальные черты будто стерты школьной резинкой, и только фотографии воскрешают в памяти его родное лицо. Гера помнила, как в те времена он возвышался над ней, заботливо удерживал за руку. И так серьезно с ней разговаривал, что сразу же хотелось до него дорасти.

Про религии Африки отец рассказывал часами, только мало кто его понимал. Гера была еще слишком мала и не представляла, что в этих историях хорошего или дурного; матушка же, как только супруг начинал новую лекцию, не по-советски крестилась, чем вызывала его праведный гнев. И лишь Мулат, девятилетний кобель, преданно слушал все, чего бы хозяин ни говорил. Отец мог закрыться с Мулатом в ванной и долго читать ему что-то с листа.

Больше бесед с Мулатом отец любил пересказывать Гере легенды догонов – предания африканского племени, о котором узнал из книги «Бледный Лис» Марселя Гриоля. Эту книгу когда-то издали на родине автора, что делало ее недоступной для граждан из СССР. И все-таки книга как-то у отца оказалась. Похоже, отец использовал связи в среде дипломатов, иначе не объяснить. «Бледный Лис», не задержавшись у него на руках, вскоре отправился в долгое путешествие по личным библиотекам. Так отец, обладая сокровищем, щедро делился им с уважаемыми коллегами.

Прежде чем проститься с книгой, отец сделал выписки, перенес в толстый блокнот ключевые моменты из «Бледного Лиса», которые легли в основу его дальнейшей работы. Тогда Гера вряд ли могла понять отцовские рассуждения, да он и нагружал ими ее – пересказывал книгу так просто, как только мог это делать.

Догоны – народ удивительный. В век цифровых носителей и сложных электронных устройств они передают информацию так же, как и их далекие предки – рассказывая истории. Жрецы сохранили легенду о божественном Бледном Лисе, который спустился на Землю в ковчеге, чтобы здесь, на Земле, обосновались его потомки. Догоны хранят наскальные изображения Бледного Лиса: рисунок Лиса действительно напоминает лисицу, но иногда Лиса отождествляют с рыбой, и с чем связано расхождение, отец не мог объяснить.

Легенда о Лисе – лишь часть местного эпоса и, правильнее сказать, финальная часть истории. Ее начало гораздо эпичнее.

Догоны поместили в основу всего мироздания божественную сущность – Амму.

У Аммы, в отличие от христианского Бога, с человеком ничего общего нет: четыре сомкнутые ключицы – вот и все описание. Гера представляла, что Амма – это энергетическое явление, процесс вселенских размеров. Гриоль переводит слово «амма» как «удерживать нечто в одном положении, при этом сильно сдавив». Ясно, что в таком состоянии Амма существовал всегда – и во времена, когда не было еще ни пространства, ни времени. В фольклоре других народов есть похожее понятие – «мировое яйцо».

Амма не сидел в «яйце» без движения, он «был сам как бы спиральным движением внутри яйца». Движение Аммы породило мельчайшее зернышко «по», которое никто не мог ни слышать, ни видеть, но которое само получало свет и звук, оставаясь при этом неслышимым и невидимым. Это зернышко «по» превратилось в нашу Вселенную после того, как открылся «глаз Аммы». Все то, что двигалось внутри, вырвалось, образуя внешние движения по спирали – «йалу уло». Словом «йалу уло» догоны называют и млечный путь, и другие, непохожие ни на что миры, которым в космосе несть числа. Четыре ключицы бога Амма определили координаты пространства. Так, по представлениям догонов, – танцую, Амма создал Вселенную.

Недолго Амма радовался тому, что у него получилось. Неживое теперь казалось Амме недостаточно совершенным. Так на свет появилось самостоятельное существо, получившее имя Номмо: человек-змея, у которого и руки, и ноги отличались особенной гибкостью. Амме так понравился Номмо, что вскоре он размножил его, – как бы сейчас сказали, клонировал. Новые существа оказались похожими на первого Номмо, а всего их было четыре. У четвертого, называемого догонами Ого, был любознательный нрав и особенная сообразительность, и это свойство характера помогло ему отправиться в путешествие на ковчеге. Три раза Ого путешествовал, и всякий раз Амма сердился. Чтобы усмирить непокорного, Амма вернул Вселенную в зернышко «по».

Сколько прошло времени до создания новой Вселенной, легенда молчит. И все же Амма снова проделал ту же работу. В этот раз Амма остался доволен: четыре его ключицы сомкнулись, и он принял прежнюю форму.

Легенды догонов просуществовали века и нисколько не изменились с момента, когда однажды их кто-то в первый раз рассказал.

Именно «Бледный Лис» сподвиг отца на экспедицию в Нигерию в очередные студенческие каникулы. Отцу удалось выбить эту командировку; ему, уважаемому африканисту, начальство отказать не посмело. В те времена Гере исполнилось семь. Когда ее отец вернулся после длительного отсутствия, на стене родительской спальни разместилась коллекция масок с сильным древесным запахом. Отец говорил, что эти необычные маски в прошлом принадлежали жрецам.

Матушка связала из ниток букле – белых, оранжевых и коричневых – узорчатое покрывало. Вместо тумбочек рядом с кроватью расположились высокие барабаны, перетянутые упругой кожей, а на полу, по бокам от кровати, – два пестрых тряпичных ковра. Атмосфера в родительской спальне больше не была, как прежде, умиротворенной. Вечером в спальню к родителям Гера намеренно не заглядывала. Ей мерещилось, что там поселились злые африканские духи.

Тогда же отец, вдохновленный примером Марсея Гриоля, взялся за книгу «Афрорелигии: правда и вымысел». Строчка за строчкой, лист за листом, книга на ее глазах

прибавляла объем, набирала вес и авторитет. Сначала Гера сравнивала ее с журналами, которые мама листала по вечерам. Потом соизмеряла с детскими книжками. Но вскоре и это сравнение истрепалось – труд был со временем закончен. И все же книга так и не побывала в типографии, осталась дома в единственном экземпляре. Отец улетел в Мавританию, вернулся из этой поездки, чтобы, не распаковывая чемоданов, отправиться на Мали – в какой уже раз изучать аборигенов плато Бандиагара. Когда снова вернулся, на той же неделе погиб под колесами поезда.

Странная смерть. Раньше отец Геры никогда не бывал в месте, где его обнаружили. Говорили, что он поехал к студенту, чтобы подтянуть его по истории. Гере такая версия отцовской гибели сразу не приглянулась. Потому что отец не давал уроков за деньги.

Сегодня Гере в руки попала та самая книга.

Матушка попросила найти медицинскую энциклопедию, чтобы почитать про болезни горла. Энциклопедию она недавно видела в родительской комнате. У матушки есть странное правило – перекладывать книги, складывать их на пол в стопку, чтобы в нужный момент отыскать нужный ей том. За несколько месяцев стопка вырастает до невероятных размеров, что не мешает матери в очередную уборку возвращать книги на место. Со временем история повторяется. Матушка называет этот процесс «утеканием капитала».

Где искать энциклопедию, Гере было известно. Поэтому она сразу отправилась в комнату и внутри огляделась: маски продолжали висеть на стене в том же порядке, как их развесил отец; признаков «утекания капитала» тоже не было – из-под кровати торчали разноцветные книжные уголки.

Она присела на корточки, запустила руку в щель между нижним краем кровати и полом, вытащила наугад пару книг. Обе были не те, что искала. Первая – по рукоделию; мать иногда распускала старые отцовские свитера, чтобы связать носки или другие вещицы для суровой зимы. Вторая рукопись – вручную сверстанные, истрепанные страницы в плотном коричневом переплете – отцовский труд, начатый еще в советские времена.

Из груди Геры вырвался вздох:

– Творение папиных рук. Вот нет его рядом, и книга не издана!

Она снова нагнулась. На этот раз в руках оказался нужный матушке справочник.

Перед сном она раскрыла папину рукопись и бегло, не вдумываясь в содержание, ее пролистала. Отец рассказывал про африканские культы, про эпос догонов, Амму – верховное божество и про звезды, с которых спустились их далекие предки.

О месте, где жили догоны, она прочитала внимательней:

«История и представления обывателей – вещи несоразмерно далекие. Обыватель считает африканские племена отсталыми, полудикими группами родственников, объединенных общим занятием: скотоводством, земледелием или охотой. Обыватель о племенах верхнего Нигера если и слышал, то сразу же позабыл, а о догонах он и подавно не знает.

Между тем история местных племен насчитывает не одну сотню лет. Здесь, в предгорьях плато Бандиагара, исследователь и писатель, Марсель Гриоль обнаружил рукотворный туннель – вход в загадочную страну рассказчиков невероятных и удивительных.

Известно, что жрецы догонов в далеком прошлом занимались торговлей со странами

Средиземноморья, вступали в контакт с жителями северных регионов. Спокойная жизнь догонов закончилась с приходом завоевателей, которые вторглись в земли верхнего Нигера со стороны нынешнего Марокко. Вскоре этим же племенам пришлось отражать натиск европейских колонизаторов.

В целом история Африки – это печальное повествование о людях, которых многие хотели поработить.

Некоторые религии, в первую очередь – вуду, подверглись влиянию новых, пришлых религий. Вера догонов не изменилась, несмотря на близость Ганы, Мавритании, Алжира, Нигерии. Догоны непостижимым образом сохранили историю племени непорочной. Взгляд догонов на зарождение мира настолько особенный, что ни исламу, ни тем более христианству места в нем не нашлось.

Француз Гриоль, единственный из прочей плеяды исследователей, сумел получить доступ к некоторым их откровениям».

О догонах Гера знала от папы, поэтому быстро пробежалась взглядом по страницам. Зато главу, посвященную вуду, перечитала несколько раз.

Сзади к чистым страницам отец приколот схемы, фотографии, рисунки карандашом. Фигуры темнокожих людей на этих набросках были хорошо прорисованы, но сами люди Геру не интересовали, совсем. Не было ничего интересного ни в выражении одинаковых лиц, ни в одеждах туземцев, ни в их бедных жилищах.

Она запихнула изображения в бумажный конверт, скрепила их металлической скрепкой. Конверт вернула на прежнее место.

И все же книга, как напоминание об отце, притягивала ее. Вдруг в ней найдутся подсказки, которые укажут на причину папиной смерти?

Долистав до последней страницы, она захлопнула книгу.

«Завтра на досуге прочту повнимательней. А сейчас пусть полежит в рюкзаке».

В офисе она оказалась ближе к полудню. Шеф неодобрительно на нее посмотрел, но от комментариев воздержался. Не всякий начальник станет терпеть выкрутасы своих подчиненных, если это не Леонид Анатольевич, уважаемый шеф.

На столе процветал беспорядок, устроенный ей накануне, ведь она забыла убрать. Слева лежала истерзанная сквозняком стопка с бумагами, подальше – несколько ручек разного цвета, справа остался след от кофейной чашки, которая нашлась в ящике письменного стола. Оба монитора слегка запылились, не мешало бы их протереть. Пара минут уборки, и люди, находящиеся в одной комнате с Герой, засобирались обедать.

Перерыв она провела за рабочим столом – гуглила в интернете, намереваясь найти слово, которое слышала накануне: «лемурги». Она надеялась, что словечко всплывет, ведь не с Луны оно появилось. Возможно, так называются морские водоросли или забытые формы жизни эпохи палеолита.

Как она ни старалась, информацию про лемургов обнаружить не удалось.

Гера развернулась в кресле. Программист Саша, чей компьютерный стол располагался напротив окна, обедать в кафе не ходил – перекусывал тем, что приносил из дома в контейнере. Его тонкие пальцы двигались по клавиатуре с музыкальной сноровкой; и часто она увлекалась зрелищем, забывая, о чем хотела заговорить. Но не сегодня.

– Шурка, ты что-нибудь слышал про лемургов?

У Сашки от природы вытянутая, кучерявая голова, посаженная на нелепую гусиную шею. Очки он давно не носил, заменив их удобными линзами. На работу, в отличие от других программистов, он всегда приходил в костюме и часто подтрунивал над ее антиофисным видом, а особенно – над вызывающим малиновым рюкзаком с пайетками, который с момента его появления грозился залить чем-нибудь подходящим, например, чернилами. Вне работы Саша увлеченно занимался хакерством – из спортивного интереса взламывал сайты, а потом сообщал хозяевам о лазейках в защите. Гера искренне верила, что делал он это бескорыстно, из соображений человеколюбия, поскольку другая сторона его натуры ей была неизвестна. О собственном хобби Шурка поведал ей сразу, как только устроился на работу. Тогда она думала, что неловкому худощавому пареньку захотелось произвести на нее впечатление. Позднее он не раз подтверждал собственную репутацию знающего человека.

И теперь Гера надеялась, что и про лемургов он тоже что-нибудь знает.

– Леминги? Это такие зверьки?

– Понятно. Забудь.

Сашка пристально на нее посмотрел:

– В игре ты точно не будешь участвовать? Может, все таки передумаешь?

– Вот только игр мне сейчас не хватает.

Еще одним пламенным увлечением Шурки были ролевые игры в условиях города – занятие возмужавших подростков, которым осточертели онлайн-забавы.

Гера знала о ролевых играх практически все – ей об этом рассказывал Сашка. Сюжет строился на мотивах компьютерных квестов, книги или нашумевшего фильма.

Мастер игры составлял развернутый сценарий, прописывал роли, выбирал время и место. К игре участники готовились загодя: костюмы, атрибутику и прочие детали игры следовало выбрать до срока. В назначенный день участники собирались, и слаженный механизм запускался. Задача мастера – отслеживать, чтобы игра не выходила за рамки, чтобы сценарий соблюдался без передергиваний.

Гере было известно, что Шурка готовился к игре «Территория», чтобы выступить за клан анархистов. В клане заболела Волчица, и никого накануне игры на эту роль не нашлось. Позвали Геру. Она отказалась.

Во второй половине дня ее одолел озноб, и захотелось вздремнуть. Работа не шла. Она с трудом досидела до вечера.

В вагоне метро она рухнула на свободное место. Мужчина азиатской национальности – тот, что это место освободил, – торопливо направился к выходу, толкая перед собой большую сумку-«тележку». Невдалеке от Геры кто-то сердито запричитал: «Нет, вы видели? Будто бы ей это место уступили!..»

Слова звучали издалека. Гера погружалась в сон.

После смерти отца в снах снова и снова проигрывалась ситуация: она сидит в позе лотоса на матушкином покрывале, отец – живой и такой настоящий – расхаживает вдоль окна. Они разговаривают.

Отец разъясняет ей непонятное. Она ненадолго запоминает его слова, потом переспрашивает, как делала в детстве. Если проявляет упрямство, маски оживают

и зловеще хохочут.

И так много, много долгих ночей.

Жаль, но ничего значимого из ночных разговоров с отцом она так и не вынесла, кроме улюлюканья масок.

Сегодня она снова сидела на той же подстилке, испытывая многократно усиленное «дежа вю». Отец выглядел осунувшимся, обросшим щетиной.

– Если где-нибудь встретишь кубомедузу, спасайся, – наставлял он. – Природа снабдила ее двухметровыми щупальцами – тонкими, крайне опасными. Яд кубомедузы токсичен. Смерть наступает за считанные минуты.

Сон уносил Геру дальше – в неизведанные места, в долину, покрытую мелкой растительностью. Но она шире раскрыла глаза и ущипнула себя за запястье.

– Папа, мне не запомнить. Куба при чем здесь? Эта тварь живет возле Кубы?

– Речь не об этом. Дело в Австралии.

Голос отца стал невнятным, прерывистым, как будто их разговор транслировался на коротких волнах:

– ...в восемь раз ядовитее скорпиона, в полсотни раз опасней гремучей змеи...

То, что он рассказывал, требовало осмысления. Во сне этого сделать нельзя. Нужно просто запомнить.

– Ух ты, – наивно воскликнула Гера.

Сон причудливо изменился: перебросил Геру в воды реки, где она, как будто совсем еще девочка, плескалась с другими детьми.

Ногу обожгло что-то тонкое. Она постаралась избавиться от нитей, но не смогла. Кто-то схватил ее под руки, вытащил из реки, положил под голову полотенце. Нити продолжали цепляться за кожу, срослись с ней, делая боль нестерпимой. Как будто лезвие сначала докрасна раскалили, а потом провели им по телу.

– Гера! – отец тряс ее за плечо. – Очнись, нужно бороться!

Наверное, это неправильный сон.

Незнакомец бесцеремонно дергал Геру за капюшон: «Эй, просыпайся. Дома нужно спать, а не в метро. Здесь тебе подушку под голову не подсунут».

Сон улетучился, оставив в памяти терпкий древесный запах.

Перед глазами возникла старуха с допотопными, сшитыми вручную авоськами. На секунду Гере показалось, что лицо ее, и без того безобразное, покрыто едва заметной щетиной. Чтобы избавиться от наваждения, она заморгала. Конечно, не бывает такого, и шерсть у старух на лице не растет.

Вместо того чтобы по-прежнему ехать в вагоне, Гера, согнувшись, сидела на лавочке одной из весьма удаленных станций метро.

– Как я здесь оказалась?

– Ну, уж это тебе лучше знать! – злобные интонации привели ее в чувство: – Ты что, пьяная? Мне полицию вызвать?

– Извините, я просто... на работу хожу больная. Спасибо, что разбудили. Мне нужно идти.

Подхватив гламурный рюкзак, Гера бросилась к эскалатору. Там слегка отдышалась; что это она, в самом деле? Никто бы не стал вызывать полицию, ведь таких, как она, задремавших, в метро пруд пруди.

Решив не возвращаться, Гера поднялась наверх. В помещении вестибюля нашла укромное место: угол между киоском с газетами и мраморной стенкой. Достала из рюкзака леденец, запихнула за щеку. Горло продолжало саднить, это действовало угнетающе. Лучший способ избавиться от мыслей о боли – прогуляться по улице.

Когда стеклянная дверь распахнулась, сильный порыв влажного ветра ударил в лицо. Погода испортилась, и вместо ясного дня Геру ожидал сырой и промозглый вечер.

Атмосфера соответствовала настроению.

Чертовщина какая-то происходит. Как она могла бесконтрольно выйти из вагона метро? Как она вообще оказалась в этом районе?

Взгляд, мельком брошенный на стрелки часов, ситуацию не прояснил. В метро Гера вошла приблизительно в шесть двадцать пять. Сейчас на часах семь ноль четыре. Где она болталась все это время? С чего это ей показалось, что женщина, которая ее растолкала, как будто короткой шерстью покрыта? Почему в последние дни ей мерещится жуть?

Хорошо, после кошмарного сна может привидеться все, что угодно. Но чем тогда объяснить исчезновение человека на чертовом колесе?

Допустим, человек этот – профессиональный гипнотизер. Ему бы не составило труда убедить Геру в чем угодно, она болеет. Подобное может с каждым случиться.

В природе помимо человека не существует других разумных существ. Нет ни мутантов, ни оборотней. Нечисть разгуливает по городам лишь в голливудских блокбастерах. И лемурги, живущие бок о бок с человеком, – тоже чья-то фантазия.

Нет ничего более отрезвляющего, чем запах асфальта вперемешку с автомобильными выхлопами. Характерный для города смог раньше мог вызвать у нее тошноту, но теперь она даже рада была, что дышит той гарью.

Неподалеку готовили курицу-гриль; аромат свежего мяса приятной щекоткой разбудил обоняние. Посторонних запахов не было. Посторонних – тех, что пугают, тех, из-за которых нервы с утра на пределе.

Вокруг привычный московский пейзаж: вдоль бульвара извилистая изгородь лип, газон с оранжевыми петуньями, оживленная проезжая часть.

За автобусной остановкой, подложив под колени подстилку, сидела старуха в коричневой куртке с рваными рукавами. Лицо старухи скрывал такой же выцветший, коричневатый-серый платок. Если мимо проходил человек, она жалостливо крестилась, наклонялась вперед, касалась головой тротуара. Рядом лежала трикотажная шапка в мелких цветочных узорах, в которой незаметной горсткой блестели монеты – с десяток-другой рублей.

Из-под скамейки вылез котенок и напрямик направился к шапке с монетами. Пока он принюхивался, старуха распахнула ворот, достала оттуда завернутый в тряпку кусок колбасы. Сначала она сама откусила немного, остальное протянула котенку. Тот жадно схватил колбасу и сразу же умчался к ближайшей палатке, где быстро уничтожил добычу.

В рюкзаке затрещал мобильный. Пока Гера расстегивала рюкзак, звонки прекратились. Зато, одна за другой, упали несколько sms-ок: оператор сообщал о неприятом звонке, шеф требовал перезвонить, Катя успокаивала в отношении последних анализов.

Из всех троих самый нетерпеливый – шеф. Этому человеку нужно звонить в первую очередь.

– Леонид Анатольевич, это Гера. Что-то произошло?

Голос шефа был благодушным, но слегка озабоченным:

– Зарплатную ведомость кто будет подписывать? Деньги в этом месяце не получаем?

Деньги Гере действительно были нужны, и Леонид Анатольевич знал, как для нее это важно. Поэтому она ответила вежливо, нажимая на страдальческие нотки в голосе:

– Леонид Анатольевич, извините. С утра неважно себя чувствую. Это не потерпит до завтра?

– Теперь уже, конечно, потерпит. Но завтра обязательно сделай.

Через минуту в трубке послышался другой голос: тревожный, родной.

– Доченька, где ты пропала? С тобой все в порядке?

– Не волнуйся, мам. Я уже еду домой.

– Хорошо, моя дорогая. Не задерживайся.

Еще звонок.

– Катя, ты что-то хотела?

– Врач определился с диагнозом. Просили тебе передать, что нет у тебя ни СПИДа, ни сифилиса. Это простой, ничем не примечательный тонзиллит. Вылечим, плевое дело. Приедешь домой – перезвони, поболтаем.

От разговоров с близкими людьми на душе у Геры стало комфортно.

Вот и выяснилось, что у нее обыкновенная форма болезни. Банальнее не бывает. Плевое дело, подлечат.

Жизнь снова обретала черно-белые полутона. И перемен в ближайшем будущем не предвиделось. Господи, как хорошо-то!

Она подошла ближе к озябшей старушке, достала из рюкзака кошелек, извлекла две сотни рублей и положила их в шапку.

– Бабушка, идите домой. Купите себе что-нибудь, поешьте.

Сзади кто-то тронул ее за плечо. Раньше эту женщину Гера никогда не встречала.

Глава четвертая

«Теория заражения»

Гера бы ее точно запомнила: дорогой клубный пиджак, темные волосы с прожилками седины, безупречная обувь на шпильке и ровные зубы. Дамочка стильная, одевается в ботинках.

– Лемург? – голос был низким, но вопреки этому вполне себе молодым.

– Похоже на то, – отозвалась она обреченно.

– Ясно. Недавно начала изменяться. Но ведь делать это нужно с радостным выражением на лице! – подбодрила она. – Познакомимся? Нифонтова Анастасия Семеновна. Но мы, лемурги, называем друг друга по имени.

Гера огляделась. Они стояли на открытом пространстве, и не было поблизости ни фургона с крупными буквами «TV» на борту, ни съемочной группы. Становиться героиней передачи «Вас снимает скрытая камера» ей не хотелось.

– Как давно это с тобой происходит? – продолжила она расспрашивать.

– Со вчерашнего дня. Когда обоняние обострилось.

Гера ей подыгрывала, говорила то, что женщина ожидала услышать.

Новая знакомая не удивилась:

– Понимаю. Жаль. Значит, ты лемургов не видишь. Ничего, это временное явление.

Женщина говорила о том, чего Гера в принципе не понимала. Или ее профессионально разыгрывали?

Гера возразила:

– Но вас-то я вижу!

Женщина участливо улыбнулась, как будто жалела ее:

– Лемурги видят друг друга иначе. Не волнуйся, это не страшно.

Если верить случайной знакомой, скоро у Геры должно открыться особое зрение. Из школьного курса биологии она вынесла, что такое вряд ли возможно.

– Настя, что я должна увидеть? Полчища зомби?

Женщина сдержанно рассмеялась, словно вопросы эти ей уже задавали и не единожды:

– Да нет же! Ни красных глаз, ни острых клыков ты не увидишь. Будет эффектно и мило.

Они молча прошли еще несколько шагов. Гера продолжала оглядываться, пытаясь обнаружить хоть какой-то намек на стороннего наблюдателя. Но надежда заметить съемочную бригаду с каждой минутой таяла.

– До встречи со мной тебе встречались лемурги?

– Только один. Но он мне почти и не рассказал ничего.

– Не густо, – вздохнула Настя. – Значит так. Обычно мы новеньким помогаем. Так что возьми инструктаж на себя.

Настя вела Геру вдоль проспекта: бесцельно, с непонятной отстраненностью. Далеко от входа в метро она не удалялась, словно где-то поблизости, во дворе одного из домов, припаркован ее личный транспорт. Такие, как она, – холеные, уверенные в себе женщины – на метро принципиально не ездят. Ими даже автомобиль подбирается в унисон к сумочке или к цвету помады.

Вероятно, из этого автомобиля Настя и заметила Герину «уникальную ауру» или что-то другое, что помогает узнать лемурга, ведь все лемуры видят друг друга иначе. Так по крайней мере думают два едва знакомых с ней человека. Гера опасалась, что скоро тоже начнет в это верить. Заразная вещь – шизофрения, будто бы по воздуху передается.

Настя продолжала рассказывать невероятные вещи:

– Первые лемуры появились в Москве четыре года назад. Началась история с «избранного». Звали его Лев Робертович Мургер. Мужчина редкого обаяния – биллиардных дел мастером был. Со временем именно его инициалы образовали название, м-м,.. явления. Сперва он не подозревал об эволюции. Позже, конечно, понял, что с ним что-то не то происходит. К этому времени лемургов стало значительно больше. Десять или даже двадцать молодых лемургов женского пола. Лев Робертович их заразил или кто-то другой, доподлинно неизвестно. Все они думали, что серьезно больны, поэтому новых лемургов долгое время не появлялось.

– Вот вы говорите: «Был». Разве Лев Робертович умер?

– Никто не знает. Возможно, и умер. Но скорее пропал.

Последняя Настина фраза насторожила Геру. Это что же, думала она, у всех лемургов такая судьба?

– Ты ведь знаешь, что лемурнизм передается через поцелуи, – уточнила она. – Все эти женщины лечились. А поскольку точный диагноз выставлен не был, все попали ко мне.

– А вы... кто?

– Главный лор Москвы. Мой конек – хронические воспаления горла.

Геру Настя не нравилась. Не потому, что она была неприятной в общении, напротив. И не потому, что подавляла ее. Настя – врач по профессии, Гера же всех врачей недолюбливала с детства. С врачами лучше не фамилльярничать, особенно с теми, кто стоит на руководящих должностях. Верное средство найти общий язык с врачом – поговорить с ним о болезни.

– Вот-вот, – вставила Гера словечко в ее затянувшийся монолог, – у меня тоже горло болит.

– Как же, знаю, – ответила Настя. – Твой диагноз со мной утверждали.

Гера опешила:

– Вы поставили диагноз, не видя больного?

– Мне достаточно взглянуть на тебя со стороны. Не забывай, ведь...

– ...лемуры видят друг друга иначе, – прошептала она.

«Получается, Настя заочно знакома со мной?» – думала Гера. И именно по этой причине она сразу обратилась к ней по имени?

– Никто из лемургов не пытался найти Льва Робертовича? Ведь интересно же, что с ним случилось.

Настя остановилась, полезла в сумочку за сигаретами и неторопливо закурила.

– До того, как исчезнуть, он эволюционировал снова. И теперь он больше не лемург.

– Он стал,.. кем? – Гера попыталась припомнить незнакомое слово, которое слышала раньше.

– Ты обязательно это узнаешь, но всему свое время.

Настя продолжала рассказывать. С ее слов получалось, что лемургизм – безвредное для здоровья состояние. Передается через поцелуи; при этом не важно, какого рода поцелуи – дружеские или любовные. Первое время возбудитель сидит в организме тихо. Позднее, атаковав миндалины, он берет под прицел весь организм. Как только человек начнет принимать лекарства, горло перестанет болеть, и инфекция спрячется в клетках, чтобы встроить свой генетический материал в человеческую ДНК.

- Так это вирус?
- Вирус. Поэтому антибиотики не помогают.
- А если не лечиться?
- Боль станет невыносимой. Все заболевшие приходят за помощью.

Оказалось, что первые случаи болезни напоминали дифтерию, которую врачи боятся даже больше птичьего гриппа. Так женщины попали на консультацию к Насте, так она поняла, что дело нечисто. Когда появились другие симптомы – сыпь на лице и руках, – Настя приступила к расследованию. Обнаружить связь между женщинами труда не составило, их общим знакомым был один человек. Настя разыскала мужчину и сразу же попала под его обаяние.

Концерты, выставки, рестораны... После непродолжительного общения выяснилось, что и с ней творится то же, что и с ее пациентками.

– Когда я обнаружила болезнь у себя, – продолжила рассказывать Настя, – не удивилась. Проблема в другом: как скрыть информацию о болезни? Ведь если представить, во что бы превратилась жизнь лемургов без моего покровительства...

В российской истории были периоды, когда охотно изолировали «других» – людей ненужных, непохожих, выделявшихся странными мыслями. В наше время с лемургами вряд ли обошлись бы иначе.

– Не раздумывая, я решила использовать связи во благо, чтобы информация не просачивалась. Возглавила сообщество лемургов. Теперь новичков удается находить гораздо быстрее. Но это лишь одна сторона медали.

Люди в Москве пропадали всегда. Уходили из дома – на работу, в магазин, на свидание – и не возвращались. В последние годы к десяткам тысяч пропавших можно отнести лемургов.

В близких к Насте кругах знают о братстве «мургхантеров», берущих ответственность за исчезновения на себя. Охотники на лемургов не раскрывают чужие секреты, ведь они истребляют тех, кого удастся поймать. Эти охотники не умеют иначе видеть людей. Поэтому сначала кто-то из разведчиков подслушивает разговор в метро или в автобусе, потом наблюдает несколько дней, чтобы напасть. Похоже на наружное наблюдение, если использовать полицейскую лексику. Тот же, близкий к Насте источник рассказывает о московском «музее» трофеев, где в емкостях содержатся убитые лемурги. И, будто бы, члены братства этим гордятся.

– На эволюцию не повесишь замок, не запретишь новым законом. Остановить ее мы не в силах, – Настя вздохнула. – Но мне удалось убедить медиков в том, что с новыми

пациентами не происходит ничего необычного. Есть в этом сообществе верные люди, которые подменяли анализы. Поначалу пришлось нелегко: вербовка, взятки, угрозы. Сколько сил отнимало общение с родственниками, словами не передать. Приходилось звонить, представляться, разговаривать, объяснять.

Настя замолчала, как будто вспомнила про важное дело, которое не успела закончить. Заторопилась.

– Если вопросов нет, продиктуй номер телефона твоего последнего парня.

Гера сказала, что не знает, где он находится.

– Не понимаю, – задумалась Настя. – Лемурги нарочно не заражают. Возможно, этот человек не знал, кто он такой. Или ты заразилась где-то еще. Держи визитку. Звони хоть ночью, я отвечаю всегда. И не говори никому про наш разговор, даже друзьям.

Настя торопливо простилась.

«Странная женщина, – подумала Гера, – вспомнила что-то, и я ей стала неинтересна. Почти как тот парень с колеса обозрения, которого, может, и не было вовсе».

В светлом «Ниссане» с протертым сиденьем у Геры появилось время для размышлений. В глупую шутку про лемургов она не поверила. Догадалась, что Настя – актриса, которая на случайных прохожих отрабатывает чей-то сценарий. От того, как хорошо она разыграет его, зависит, возьмут ее на роль или нет. Современная наука опровергала возможность быстрой эволюции человека. Да и рассказ о мургхантерах подозрительно смахивал на сюжет голливудского боевика.

Гера перезвонила Кате с домашнего телефона:

– Инициалы «Нифонтова А. С.» тебе о чем-нибудь говорят? На работе мне посоветовали ее как грамотного специалиста.

– Мир тесен, знаю такого врача. Записывай.

Она тщательно сверилась с данными на визитке; похоже, они говорили об одном человеке.

Катя добавила:

– Постарайся к ней попасть завтра с утра. Примут без очереди.

Идти на прием к Нифонтовой А. С. Гера не собиралась. Наверняка в кабинете сидит важная дама пенсионного возраста. Она догадалась, что ее разыграли, подсунув чужую визитку.

Катя сменила тему:

– Завтра вечер встречи выпускников. В десять начало. Место ты знаешь: ночной клуб «У Фонтана». Помнишь Вадика Коршунова?

– Отчетливо. В мае, перед выпускными, Лена Резникова бегала к нему на свидания. Весь класс следил за этим романом.

– Теперь отец Вадика – владелец этого клуба. Есть информация, что тебя хотят видеть. Seriously! Я бы не стала шутить. Человек он такой, сама знаешь, специфический. Могут быть неприятности.

– Ничего не случится. Мужики интересуются мной в последнюю очередь. Да и не ладили мы.

Глава пятая

«Случай в аптеке»

С утра Гере пришлось заниматься делами, забытыми накануне.

Шеф буднично грозился уволить. Он затевал эту игру, если хотел, чтобы работу быстро закончили.

Леонид Анатольевич не был тираном. В прошлом он нередко бывал у них дома, и Гера выросла у него на глазах. Оба они – и шеф, и отец – дружили со школы. Когда она подросла, с ней занимались, обучали навыкам, которые потом пригодились.

В обеденный перерыв Гера вспомнила, что Настя рассказывала про лекарства. Вреда она в этом не видела, клин вышибают клином. Горло продолжало болеть, и стоило с этим бороться.

Она отпросилась у шефа, чтобы добежать до ближайшей аптеки. Расплатившись, отправила на дно рюкзака заветный флакон и направилась к выходу.

В дверном проеме улица вспыхнула ярким пятном. На противоположной стороне переминался с ноги на ногу тот, кто вчера выпал из колеса обозрения. Сначала он оглядывался по сторонам, но когда увидел Геру, приветливо улыбнулся и шагнул на проезжую часть.

Как он ее отыскал, подумала Гера. Она не оставляла ему ни номера телефона, ни другие координаты.

Она попятилась и медленно отступила к окошку.

– Гражданин фармацевт... Девушка? – Гера нервно теребила скомканную бумажку достоинством в сто рублей. – Нужна ваша помощь.

– Что желаете? – светленькая, с прозрачными голубыми глазами девушка смотрела на нее недоверчиво.

Она заговорила доверительным шепотом:

– Вы могли бы помочь? Разрешите мне выйти отсюда через подсобное помещение.

– Что?!

– Посмотрите туда, – она указала на дверь, быстро соображая, что же сказать. – Напротив входа мой бывший. Этот человек измывался надо мной пять, нет, восемь невыносимых лет. Теперь он хочет, чтобы я вернулась к нему. Преследует, одолевает звонками. Я только что вышла замуж за другого, понимаете? У вас ведь есть запасной выход?

– Ну,.. хорошо, – после секундного замешательства девушка пошла ей навстречу, – выведу вас. Обычно мы так не делаем, но... я вам сочувствую.

Она пустила Геру за прилавок и повела во внутреннее помещение к служебному входу.

– Если начальство узнает, что я помогла вам, меня тут же уволят.

– Понимаю... конечно... Вот, – сторублевка переключившись из Гериного кошелька в холодные ладони фармацевта, – это за моральный ущерб.

Дверь распахнулась:

– Выход здесь.

Гера заняла позицию между информационным щитом и ребристой стеной аптеки. В этом месте был хороший обзор. Напугавший ее мужчина исчез. Возможно, она приняла за него кого-то другого.

Самонадеянно думать, что вчерашний знакомый появился здесь ради нее, думала Гера. Глупо думать, что он вообще здесь появился. Скорее, происходило что-то неправильное, и пора уже вместе с анализами сдать тест на психические отклонения.

Голова прояснялась. Сердце больше не билось так громко и часто. Паническая атака прошла.

Гера выглянула из-за щита, окончательно обнаружив себя. Если бы за ней наблюдали – так, от нечего делать – удивились бы этим странным маневрам. Но она гордо держала голову, словно игры в шпионов – ее любимое хобби.

На работе шеф попросил связаться с заказчиком и решить с ним формальности, поэтому об остальном пришлось позабыть ровно до шести часов вечера.

В шесть позвонила Катя и напомнила, что к девяти заедет за ней. Оставалась самая малость: вернуться домой и привести себя в надлежащий вид.

«Жизнь – полный отстой!», – одеваясь, думала Гера. – «Как тут с ума не сойти?».

И хотя она все еще волновалась – оглядывалась время от времени, не преследуют ли? – до квартиры добралась без приключений.

Домашние приготовления отняли час с небольшим. Гера собралась на скорую руку. Пожалуй, только ванна с розовым сахаром отвлекла ее от назойливых мыслей. Пятнадцать минут медитации, и вот она одета в подходящий наряд.

– Что-то ты быстро сегодня, – матушка с аппетитом истребляла бутерброд с колбасой.

– На долгие сборы нет времени.

Она посмотрела на дочь с легким укором, как будто ответ ее не устроил.

– Чайку не налить?

– Не хочу. Катя скоро подъедет, – отмахнулась Гера.

– Может, мед и горячее молоко? Молоко горло согреет, а мед лучше всяких лекарств. Ты принимаешь таблетки, которые тебе прописали?

– Какие таблетки? Что ты хочешь сказать? – Гера сделала вид, что ждет объяснений.

– Твой доктор звонил!

Мать отложила недоеденный кусок бутерброда, потянулась рукой к холодильнику – там, прищипленным круглым магнитом, висел листочек бумаги.

– Зовут ее... э-э-э... Нифонтова Анастасия Семеновна. Доктор мне все объяснила подробно. Лекарство усиливает иммунитет, поэтому организм лучше сопротивляется. В твоем случае это особенно необходимо. Оказывается, при частых воспалениях в горле миндалины удаляют. И тогда, если опять заболеешь, болезнь может ударить по почкам. А где почки, там и срамные органы, детка. Тебе еще детишек рожать. Какой замечательный врач. Давно не встречала таких.

– Я тоже. До вчерашнего вечера.

Как вовремя Анастасия Семеновна напомнила о себе. Как виртуозно обработала матушку!

А ведь она ей поверила. Хорошо, что не до конца.

И все-таки таблетку стоит принять. От этого не будет вреда, и матушка успокоится.

Заветная упаковка лежала на дне рюкзака. Да просто все: взять таблетку, проглотить, запить водой.

Эх, была – не была! Проглотила, сглотнула.

В рюкзаке ожил мобильник, наконец позвонила Катя.

– Собралась? Жду внизу.

Матушка совсем растаяла от Гериного поцелуя:

– И все-таки, – мягко возмутилась она, – вы встречаетесь поздно. Ты совсем меня не жалеешь.

– Мам, мне двадцать семь лет. Одноклассницы детей в школу отдали, а ты со мной, как с ребенком.

Бежевая «Шкода» подруги припаркована у подъезда. Катя причесана и покрашена так, как будто готовилась не к вечеринке, а, как минимум, к съемкам в блокбастере.

Гера кинула тело в жесткие объятия автомобильного кресла:

– Что нового слышно про Вадика?

Глава шестая

«Фонтан и компания»

Ночной клуб «У Фонтана» расположен недалеко от транспортного кольца. Вблизи от продуктового рынка, который мэр грозился закрыть. Рядом – учебные корпуса медицинского института.

В восьмидесятые в здании работал небольшой кинотеатр. Позднее дом претерпел основательную перестройку. Пол кинозала был поднят и выровнен. Вместо сцены устроили обитель ди-джея. Амфитеатр приспособили под ресторан. Мраморные колонны у входа пострадали больше всего; их попросту заменили чем-то пафосно урбанистическим.

Местные жители утверждают, что когда-то во дворе дома-усадыбы находился фонтан. Будто бы его за ненадобностью разобрали, а память о фонтане осталась. На самом же деле, так Катя объясняла, Фонтан – это Эдуард Вазгенович Коршунов, хозяин злачного заведения. Отец Вадика получил кликуху на заре криминальной карьеры. Поговаривали, что Фонтан умеет как-то по-особому ладить с людьми. Что владеет искусством гипноза, может заговорить, убедить. Раньше Гера с ним не общалась, лишь видела мельком, со стороны.

Вадик Коршунов радушно встречал одноклассников. На нем шикарный прикид, дорогие ботинки, броский галстук неопределенного цвета и часы на правой руке.

Гера не видела Вадика с момента, как отгуляла на выпускном. Вадика не узнать: он возмужал, заматерел и очень, очень поправился.

– Нестерова и Самсонова! – раскрыл объятия Вадик: – Вас не узнать. Думал, Катя сменила фамилию.

– Сменила, потом разошлись, – она застреляла глазами. Катя оставалась кокеткой даже с таким уголовным типом, как Вадик.

– Ставлю сотню бачинских на то, что Гера не замужем!

– Не приемлю брак в принципе.

– Гермiona разборчива, – вспомнила детское прозвище Катя. – А ты, Вадик? женат?

– В разводе, как видишь.

Вадик требовательно ухватил Геру за пояс на джинсах. Его ладонь по-хозяйски спустилась в ее задний карман.

Значит, вот как он расставил акценты: готовился, думал о встрече.

Гостей пригласили войти. Стиль внутреннего убранства перекликался с помпезной колоннадой на входе: дорогая отделка, мебель из кожи, зеркала, потолки – все так сверкало, что девушки зажмурились. Вадик так и держал руку в ее заднем кармане.

Из холла они попали в зал с громоздкими люстрами, детали которых гроздьями свисали с мерцающего потолка. Танцпол под ногами искрился, и Гере померещилось, что сияние исходит из центра мелких вкраплений на плитке.

Впереди, за столиками, сидели одноклассники. Кто-то помахал им рукой, пришлось отозваться.

– Обычно здесь проходят тусовки. Сегодня обставлено по-другому.

– Славно, славно. Вполне!

– Отец врыл в это целое состояние.

– А что там в плитке блестит?

Вадик громко ответил:

– Плитка делалась на заказ. В Италии. Приколись? Фишка в том, что в темноте зал пронзают тончайшие нити.

Гера наигранно восхитилась:

– Да ты поэт.

– Катя, – он обратился к моей заскучавшей подруге. – Гермиону я у тебя забираю. Обещаю вернуть. Завтра.

– Возражаю, категорически.

– Так я и думал. Поэтому столик у нас с Герой отдельный. Тебе покажут, где сесть.

Он подозвал официанта, и Катю посадили так далеко, что Гера с трудом разбирала посылаемые ей сигналы. Катя напрасно волновалась. Между Герой и Вадиком такая же бездна, сколько песка между плодородными землями в пустыне Сахара.

– Слушай, – Вадик придвинулся, – давай выпьем за встречу.

– Выпьем. Давай.

Он щелкнул пальцами, и официанты принесли марочных вин на выбор; Гера разглядела год изготовления на этикетке одной из бутылок – тысяча восемьсот девяносто седьмой. Официант сперва неторопливо наполнил бокал Гере и только потом обслужил ее кавалера.

– За возобновление дружбы, – произнес Вадик торжественно.

Вино оказалось странным на вкус, но приятным. Гера не заметила, как быстро опорожнила бокал.

– Повторим?

– Повторим.

«Пить больше не буду. Сделаю вид, что глотаю, но к вину не притронусь. Если голова останется светлой, Вадик для меня не опасен».

Вадик ударился в воспоминания:

– Слушай, помнишь, как мы яростно спорили?

– Мы разные, в этом проблема, – она снова глотнула вина и закрыла глаза.

– Нравится? Хочешь, подарю пару бутылок?

– Не откажусь.

Вадик оказывал Гере особенное внимание, и она видела, что дело здесь не в желании восстановить прежнюю «дружбу». Их школьные отношения были натянутыми, никаких нежных чувств с ее стороны. Вадик подкидывал ей такие сюрпризы, от чего у нее возникали проблемы. Мышь в ранце, испорченные тетради с контрольной, выброшенный в окошко учебник – такие «знаки внимания» дружескими не назовешь. Когда перед выпускными он отличился опять – сжег кислотой ее юбку, терпение кончилось. Они подрались в раздевалке для мальчиков.

Раньше Гера считала Вадика человеком с ограниченным потенциалом. Спустя годы он научился производить впечатление, но все равно оставался все тем же мелким засранцем.

И этот засранец сидел напротив нее, как преданный друг.

– Куришь? – он протянул сигарету.

– Только в торжественных случаях.

– А сейчас какой случай?

– Пожалуй, особый.

Он щелкнул зажигалкой, она прикурила. Затянулась.

– Над тобой отличная вытяжка. Работает как пылесос.

Она запрокинула голову. Уходящие ввысь серебристые трубы висели над каждым столом. В их светильнике точечные лампочки располагались по краю, а в недрах трубы слышался гул.

– Батин столик. Мощная вытяжка только здесь, в остальных послабее. Дорогая игрушка. Смотри!

Он оторвал край от салфетки, положил на ладонь, поднял руку – медленно, искоса поглядывая на Геру. Бумага запрыгала, приподнялась над ладонью и пулей улетела в трубу.

– По краю вытяжки детекторы с нейтрализатором запаха, вроде аэрозоля. Аэрозоль нам доставляют из-за границы. В основе всей этой байды – лавандовое масло. Лаванда перебивает многие запахи, – Вадик что-то покрутил, и серебристая конструкция чуть соскользнула вниз. – Оп! Лампу можно поднять или изменить освещение – такое вот изделие номер один.

– Твой отец сидит на марихуане?

Он косо на нее посмотрел:

– Ты что, вчера родилась?

Гера положила сигарету на край низкой креманки с апельсиновым джемом, поданным к мясу. Горстка пепла упала на стол.

Вадик поглаживал ее по спине.

– Сейчас начнется представление. В духе «Голубого огонька» времен застоя, прикальываешься?

– Не успеваю. Но вижу, что ситуация «один-ноль» не в пользу директрисы. И чья это инициатива?

– Требование руководства школы. Как говорится, без комментариев.

Привычный к оргиям клуб превратился в театр абсурда. На сцене до смешного неубедительно смотрелись артисты, исполнявшие песни из репертуара далеких восьмидесятых. Гера понимала: программа одобрена директрисой.

Верхний свет погасили. Зал пронзили тонкие нити; – плитка волшебным образом отражала лучи, наполняя дымную, прокуренную атмосферу мистической аурой.

Звуки становились громче, от ярких вспышек софитов в глазах появились круги. Теперь Гера двигалась резко: предметы двоились, подробности смазывались.

В проходах между столиками танцевали. Люди соединялись, превращаясь в многоруких чудовищ, как будто бы она попала на бал индийских богов. Она протерла глаза.

Откуда-то появилась уборщица и старательно замахала тряпкой.

Или это стриптизерша, танцующая возле швабры?

Или черная колдунья Мамбо?

Темнолицая Мамбо мечется возле шеста в стенаниях, сыплет под ноги то ли муку, то ли снег. Плачет, поет, взывает к лоя: «Папа Легба, открой ворота! Папа Легба, открой ворота!». Самозабвенно красива сейчас колдунья. Ее лицо разглаживается, светлеет. Руки переплетаются, двигаются в такт барабанным звукам. Мука сыплется перьями убитого

петуха, застилая глаза. «Я слежу за тобой», – шепчет ей на ухо Мамбо. – «Я вернусь, чтобы открыть нужную дверь».

Вадик дернул ее за руку, и она очнулась. Вино запросилось наружу.

– Что с тобой? Дать глоток минеральной воды?

– Нет, – она повела рукой, – мне... нужно... носик припудрить!

Не успела она отойти от стола, как к ней подошел невысокий мужчина.

– Потанцуем?

Она узнала Пашу Карпухина – личность талантливую, неординарную, обласканную директрисой. Из-за модной испанской бородки Паша выглядел солидно, хотелось обратиться к нему по имени-отчеству.

– Не может быть! Пашка? Сколько лет, сколько зим!

Паша обнял Геру за талию, и они заскользили по кругу.

– Как поживаешь?

Одноклассник вежливо отозвался:

– Неплохо. Как ты?

– Работаю. Не замужем.

– А я женат. У меня две дочери-погодки: четыре и три года.

– Как летит время. Где ты работаешь?

– Я психиатр. Приходится работать с такими необычными типами!

– Почему ты выбрал психиатрию? У тебя же красный диплом был – открытая дорога в МГУ.

– Психиатрия мне интересна.

– Чем?

Павел охотно углубился в дебри вопроса:

– Как ты думаешь, почему люди воспринимают реальность по-разному? И где та грань, переступив через которую становишься нашим клиентом?

Гера пожала плечами:

– Никогда не задумывалась. Это повод для размышления.

– Вот! – он с размаха сжал ее плечи. – Нужно задумываться о жизненных гранях. Чужие судьбы – они, как одежда. Ничто не мешает тебе видеть мир чужими глазами. Сравнивая себя с кем-то, ты учишься взгляду со стороны. Но главное даже не это. Фотографы знают: правильный ракурс обеспечивает им успех фотоснимка. Но как это – правильно? Из положения лежа? Подбородок задавит. А если подняться повыше? Ага! Открылись прекрасные глаза, нежный лоб и чудесные ушки. Каждый из нас видит то, что хочет увидеть. То же самое с чувствами. Вот как ты представляешь себе сожаление?

Гера включилась в игру:

– По-моему, это ощущение неудобства. Потеря комфорта, утрата.

– Это твое восприятие. И не факт, что Вадик с тобой согласится. Один из моих пациентов утверждал, что сожаление – это ветер.

– Необычно и красиво. Но непонятно.

– Представь себе ма-аленький смерч. А теперь представь, что этот смерч уносит все сожаления. Чувства, унесенные смерчем – красиво? Жизни, отобранные человеком, который не сожалеет – красиво?

«Как бы перевести разговор на что-то другое?»

Она со вздохом сказала:

– Не хочу, чтобы ты разглашал врачебную тайну. С меня хватит историй.

Но Паша искренне рассмеялся:

– Всего одна поучительная история. Поступает к нам на днях больной с паранойей. Убедить пациента, что он болен, нельзя; скорее он убедит окружающих, и ему, к слову, поверят. Отсутствие самокритики – характерный признак болезни. Началось все с обычной простуды. Казалось бы, поболеешь и выздоровеешь? У нашего больного все протекало сложнее. Быстро вернуться к здоровой жизни не получилось: не помогли ни аспирин, ни антибиотики. Больному стало казаться, что его заболевание неизвестно современной науке и вылечить его обычными средствами невозможно. Кто-то посоветовал лекарство, стимулирующее иммунитет, чтобы выздоровление состоялось быстрее. Тут и произошел перелом. Он убедил себя, что вирус спрятался в клетках, вызвал мутации, и что скоро он станет сверхчеловеком. К тому времени простуда у человека прошла. Он стал ходить на работу, встречаться с женщинами – намеренно «заражать» их. Только представь – намеренно. Чтобы укрепиться в догадках! Но и настоящая, психическая болезнь не дремала. С каждым днем наш пациент убеждался, что его сверхспособности уже проявились; подтверждением этому стали изменения во внешности тех самых женщин – он их видел иначе. Я опускаю тот факт, что, с его слов, повторное заражение ведет к дальнейшим мутациям; все это лирика, Гера.

– А паранойя? Он считал, что за ним кто-то охотится?

– Какие-то воображаемые люди, это не важно. Мания преследования вписывается в общую симптоматику и только подтверждает диагноз. Главное, что истории, которыми меня снабжают пациенты, уникальны, хоть книги пиши!

Лицо Паши Карпухина отдалилось, голос потерял выразительность. Перед глазами Геры снова появилась легкая дымка. Она поняла, что теряет сознание; так мозг пытался сбросить груз информации.

Только что она услышала историю эволюциантов от человека, которого невозможно заподозрить во лжи. Паша лгать не умел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.